

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-137-144

УДК 821.161.1

ПОДЛИННЫЙ ПАСТЕРНАК (В ВОСПОМИНАНИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА)

(Рецензия на книгу: Вячеслав Всеволодович Иванов. Пастернак.

Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Изд. центр

«Азбуковник», 2015. 696 с.)

Л.Г. Кихней, О.Р. Темиршина

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
шоссе Энтузиастов, 21, Москва, Россия, 111024

Книга о Пастернаке стала своеобразным *общим знаменателем* творчества великого ученого¹. Ее главная тема — Пастернак — является эпицентром, точкой схождения основных научных интересов Вяч. Вс. Иванова. И может быть, именно поэтому исследователь, соединивший в себе две ипостаси — мемуариста, близко знавшего Пастернака, и блистательного ученого-семиотика, *впервые* сумел показать под новым углом жизнь и творчество великого поэта как сложноорганизованный космос, состоящий из неисчислимого количества разнопорядковых элементов, находящихся в сложных переплетениях друг с другом и переплавленных в высокую свободу «искусства».

Как свидетельствует заглавие книги, в ней под одной обложкой помещены произведения разных жанров: мемуарные записи, монографические исследования, статьи, заметки и комментарии. Написанные и опубликованные в разное время, они, собранные под одним переплетом, обретают абсолютно новое — «синергетическое» — качество. В единое концептуальное целое эти исследования объединяет желание автора рассмотреть жизнь Пастернака в ее неразрывной связи с искусством. Так, в воспоминаниях, открывающих книгу, жизненные личные подробности даются через призму художественных текстов, а художественные тексты дополняют и уточняют биографию Пастернака. Фактически эти мемуарные свидетельства представляет собой попытку обнаружить *подлинного Пастернака*, понять закономерности его поэтики и судьбы. Такое желание увидеть за многообразными жизненными подробностями и поэтическими деталями единый смысловой субстрат отвечает требованиям самой структуралистской методологии: найти за феноменологическим многообразием ноуменальные начала.

Следование этому принципу приводит к неизбежным смысловым пересечениям в статьях разных лет. Однако эти повторы обусловлены попыткой автора показать творчество Пастернака как некую оркестровую партитуру, пронизанную

¹ Мини-рецензия на эту книгу была опубликована авторами в журнале «Вопросы литературы» (№ 3, 2017 г.).

несколькими главными темами (и здесь, безусловно, сказались идеи Леви-Стросса, обнаружившего изначально музыкальную стихию мифа!). Эти смыслообразующие темы, развертываясь в разных контекстах, оказываются основой ряда мотивно-образных парадигм, которые обуславливают семантическую связность творчества Пастернака. Именно об этом идет речь в большой работе «Из наблюдений над стилем и образностью раннего Пастернака», где Вяч. Вс. Иванов указывает на то, что творчество поэта представляет собой смысловое единство, связующими звеньями которого оказываются ключевые образы и мотивы, которые при многочисленных стилистических переменах остаются самождественными.

Методологическим импульсом такого «целостного» семантического анализа оказывается *идея трансформации*: функция структуры, полагает исследователь, объясняется через ее генезис, именно поэтому такое большое внимание в книге уделяется черновикам, разным редакциям текста, анализ которых помогает увидеть авторскую мысль как становящееся и незавершенное целое.

Принцип метаморфоза оказывается центральным и для поэтики Пастернака — это показано в ключевой работе книги — «Разыскания о поэтике Пастернака. От бури к бабочке». Это исследование представляет собой исследование поэзии Пастернака сквозь призму стихотворения «Бабочка-буря», которое оказывается своеобразной «точкой сборки» основных смыслов пастернаковского творчества. Virtuозный семантический анализ образов и мотивов «Бабочки-бури», выстраивающихся в некий свертхтекст, выявляет, с одной стороны, целый ряд неочевидных смыслов в исходном стихотворении, а с другой стороны, выводит читателя к базовым принципам организации поэтического мира Пастернака. Вяч. Вс. Иванов показывает, что, несмотря на свою причудливость и прихотливость, этот мир зиждется на довольно прочном фундаменте. Однако эта прочность парадоксальна: она связывается с идеей вечного изменения, которая реализуется в сюжете превращения-трансформации. И уникальность «Бабочки-бури» в том, что оно заключает в себе множество реализаций данного сюжета: от превращения девочки в женщину дометафорического преображения пространства.

К слову, именно пространство открывает в «Разысканиях...» тему метаморфозы — и это не случайно, ибо пространство в работах семиотического спектра оказывается первичной смысловой системой, которая кодирует структуру художественного мира и обуславливает закономерности его семантики. Так, во второй главе «Разысканий...» Вяч. Вс. Иванов демонстрирует, как жизненно-биографическое пространство «былой Мясницкой» превращается в поэтическое. Основным механизмом этой метаморфозы становится метафора, которая, соединяя разные планы реальности, предельно увеличивает смысловую емкость пространственных образов.

В статье «Хронотопы творческой биографии Б. Л. Пастернака» образ пространства рассматривается в аспекте соотнесения науки и художественного творчества. Пастернак полагал, что искусство решает те же задачи, что и наука. Вяч. Вс. Иванов же *доказывает* эту мысль, проводя аналогии между научными концепциями рубежа веков и поэзией самого Пастернака, для которой оказывается значимой идея единства пространственно-временного континуума.

Однако «метафорическим преобразованиям» подвергается не только пространство, через «горнило метафоры» проходят и предметные образы, которые, теряя свое определенное значение, часто превращаются во всеобъемлющие символы. Так, в третьей главе «Разысканий...» показывается, как визуальный образ (портрет Инфанта Маргариты Тересы) не столько разворачивается в тексте, сколько развертывает текст. Этот образ становится зримой метафорой, работающей на всех уровнях стихотворения, содержание которого великолепно доказывает исходное метафорическое уравнение-тождество «бабочка — девочка».

Таким образом, метаморфоза оказывается не только темой стихотворения, но и его конструктивным принципом. Поэтика в этом аспекте становится *зеркалом* картины мира Пастернака, которая задает тождественность разных пластов реальности, могущих «перетекать» друг в друга. Так обыденные «вещи» обретают тайное смысловое измерение, а сквозь метафору проступает ее мифологическое прошлое — метаморфоза... .

К образам, наиболее очевидно, выражающим идею трансформации в творчестве Пастернака, относятся образы зеркала, бабочки, пчелы, девочки, женщины, ребенка... . Некоторые из них стали предметом отдельных статей, которые развивают и дополняют соответствующие места «Разысканий...».

Особенно важной Вяч. Вс. Иванову представляется семантика женских образов, которые оставались центральными для всего творчества Пастернака. Обращение Пастернака к женской теме объясняется не только биографическим опытом, но и приобщенностью женщины к глубинным природным циклам, что позволяет ей переживать с особенной остротой основные переломные события своей жизни. Связь женщины и сюжета трансформации приводит в творчестве Пастернака к актуализации некоторых мифологических архетипов и культурных символов — именно об этом идет речь в статье «О теме женщины у Пастернака».

С идеей метаморфозы соотносится и тема детства. Этот период был весьма значим для Пастернака, который, по замечанию исследователя, вынес из своего детства — «детство всех мифологий мира...» (с. 281). Детству посвящена отдельная глава «Разысканий...» и статья «“Вечное детство” Пастернака», где выявляется семантический и биографический контекст этой темы, которая соотносится не только с комплексом романтических идей, но и с *историческим* пониманием человеческой личности.

Детская тема для исследователя оказывается перекрестком, где сходятся биография и поэзия. Так, субстрат детских впечатлений Вяч. Вс. Иванов выявляет в метафорике и сюжетике творчества Пастернака (ср. анализ метафор «Полярной швей» в «Разысканиях...» и других работах книги). Эстетическая переработка событий, отраженных в личной памяти, позволяет определить глубинные механизмы творческой деятельности, и заново, в когнитивном аспекте поставить вопрос о психологии творчества, связанном в своем генезисе с детским, поэтическим и мифологическим типами мышления.

Едва ли не ключевое место в книге занимают вопросы семантической организации лирики Пастернака. Мифологическая взаимообратимость явлений мира, нарративно воплощенная в сюжете трансформации, здесь выражается в смещении семантики слова. Слово претерпевает смысловую метаморфозу, оно позволяет

сгустить эмоцию, спрессовать длящееся время в единый образ. Этот онтологический импрессионизм, связанный с желанием поэта запечатлеть четвертую координату времени в трехмерном пространстве языка, Вяч. Вс. Иванов обнаруживает в стихотворении Пастернака «Вокзал», где описываются события «моментальные навек» (см. «Заметки к истолкованию пастернаковских текстов», с. 348).

Такая парадоксальная связь вечного и временного на семантическом уровне выражается в специфическом метонимическом стиле Пастернака, который подробно рассматривается в статье «К метонимии у Пастернака: испарина вальса и аромат мандарина», где показано, что метонимия является не столько тропом, сколько структурным поэтическим принципом. При этом насыщенная символика пастернаковских текстов приводит к тому, что между метонимией и метафорой, смежностью и подобием устанавливаются сложные смысловые отношения и возникают еще одна разновидность тропа «метонимические метафоры по смежности». Наличие таких тропеических структур, полагает Вяч. Вс. Иванов в статье «“Марбург” Пастернака и Марбургская философская школа», разрушает традиционное представление о референтности текста: текст не отображает реальность, он ее моделирует. Таким образом, внешняя связь между текстом и миром по принципу «зеркала» (когда текст является плоской копией-отражением мира), заменяется в поэзии Пастернака связью по принципу подобия структур, когда текст становится объемной моделью мира (или, в терминологии А. Ф. Лосева, — *символом*).

Поэтический универсум Пастернака пронизан не только семантическими, но и звукосемантическими соответствиями — это доказывает исследователь в статье «Заметки к истолкованию пастернаковских текстов». Здесь Вяч. Вс. Иванов делает интереснейшую попытку взглянуть в звуковую материю слова, проникнув «в сферу бессознательных звуковых и зрительных ассоциаций...» (с. 367). Примечательно, что ученый не просто констатирует наличие тех или иных звуковых повторов, он пытается, во-первых, определить семантический ореол этих звуков, а во-вторых, понять, чем обусловлено пристрастие Пастернака к этим звуковым сочетаниям.

Вопрос о генезисе-трансформации, перенесенный в семантическую плоскость, предполагает обращение к вопросу о смыслопорождающих структурах пастернаковского мира. В статье «Грамматика поэта» Вяч. Вс. Иванов утверждает, что в статусе такого текстопорождающего механизма, может выступать грамматический код, который, находясь «за пределами» определенных текстов, обеспечивает этому текстовому континууму внутреннюю целостность. В «Грамматике поэта» с этих позиций предпринят анализ грамматических способов маркирования субъекта, которые реализуются в пропуске анафорического местоимения. Этот грамматический прием прослеживается во многих стихотворениях сборника «Сестра моя — жизнь» и коррелирует с использованием бессубъектных конструкций, что, по-видимому, обуславливается философией и картиной мира Пастернака.

Однако ученому интересен не только философско-психологический опыт связи человека и реальности, не менее важен для него и вопрос о соотношении субъективного и общечеловеческого. Так, исследователь неоднократно подчеркивает, что в поэзии Пастернака предельно личные, часто даже биографически мотиви-

рованные детали обретают почти что архетипическое измерение. Именно по этой причине в книге нет «биографизма» в чистом виде, как нет и строго формального имманентного анализа художественных текстов. Жизнь художника и его творчество предстает как единый свертхтекст, где субъективное начало претворяется в объективных культурных формах.

Поэтика Пастернака в такой перспективе оказывается своеобразной линзой, фокусирующей лучи, которые пронизывают толщу мировой культуры. Спектр ассоциаций, обнаруживающихся в пастернаковских текстах, предельно широк: от мифологии до современной Пастернаку поэзии. Однако общей рамой для них оказывается творчество поэта, который, как видится Вяч. Вс. Иванову, проник в глубины человеческого духа и обрел поэтическое ясновидение. Тем не менее наибольшее значение для поэзии Пастернака, как полагает исследователь, имеют ближайшие параллели, связанные с русской культурой. Именно им и посвящено существенное количество работ книги.

Определяя место Пастернака в русской культуре, Вяч. Вс. Иванов, во-первых, указывает на связь Пастернака с русской поэтической традицией XIX века, а во-вторых, обозначает его отношения с символизмом и постсимволизмом (акмеизмом и футуризмом). Так, знаковыми для поэзии Пастернака оказываются имена Случевского и Фета, в поэзии которых в общих чертах обнаруживается тот же мотивно-образный комплекс превращений и тема бабочки-души-женщины (см. главу из «Разысканий...» «Родословная превращений и Гете»). Что касается темы *Пастернак и поэзия рубежа веков*, то на ней следует остановиться подробнее.

Обращаясь к традиционному разграничению поэзии Серебряного века на три ветви — символизм, акмеизм, футуризм — Вяч. Вс. Иванов все же обнаруживает общую исходную базу этих трех течений. Именно об этом идет речь в работе «Пастернак и ОПОЯЗ (к постановке вопроса)», где поднимается проблема единства картины мира эпохи. Исследователь показывает гетерогенность культурного хронотопа 1910—1920-х гг., где сложным образом взаимодействовали самые разнообразные литературные теории. Однако с высоты птичьего полета обнаруживается, что идеи, кажущиеся современникам принципиально разнородными, есть реализации одной мировоззренческой установки и инспирированы сходными культурно-историческими обстоятельствами. Так, анализируя этапы рецепции идей ОПОЯЗа Пастернаком, Вяч. Вс. Иванов приходит к выводу о том, что поэт уже *был подготовлен* к их восприятию, ибо он, видимо, изучал работы Белого, где затрагивались те же проблемы обновления поэтической формы и воскрешения слова.

Имя Белого в статьях, посвященных русской культуре рубежа веков, звучит довольно часто. И это неслучайно: общей платформой для развития рубежной поэзии оказывается символизм, который, как утверждает ученый, в своих ключевых идеях предвосхищает постсимволистские течения. Эта мысль блестяще доказана в известной статье Иванова «О воздействии “эстетического эксперимента” Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак)». Здесь Белый предстает как гениальный исследователь, предвидевший смысловые и ритмико-поэтические новации, радикально повлиявшие на поэзию XX в. в целом и на лирику Пастернака в частности.

Связи лирики Пастернака с футуристической традицией описываются в статьях «Русская поэтическая традиция и футуризм», «К истории поэтики Пастернака футуристического периода». В первой из них дается интереснейшее обоснование «далеких» типологических схождений, которое оказывается своеобразным философским основанием для сравнения разных поэтических систем. «В каждой литературе, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — есть некоторый набор <...> возможностей, который остается лишь потенциально реализуемым до определенного времени, но тем не менее угадывается в отдельных отклонениях наименее обычных писателей от основных линий развития» (с. 442). Идея объективного существования разных вариантов культуры связывается исследователем с концепцией «третьего мира» К. Поппера. Спроецированная на историю литературы, эта философская установка, приводит к удивительному выводу о том, что определенные совокупности текстов культуры могут обладать мощным семантическим потенциалом, продуцирующим новые открытия.

Связь творчества Пастернака и акмеизма исследуется в работе «1913 год. Триптих», которая опубликована впервые. Анализируя те ключевые поэтические манифесты и сборники, которыми был ознаменован последний год перед Первой мировой войной, Вяч. Вс. Иванов приходит к мысли об органичной целостности культуры 1910-х гг., которая была проникнута духом «воскрешения слова», что сказалось как в футуристической, так и в акмеистической художественной практике.

С акмеизмом Пастернака роднит и общая генеалогия творчества. Так, в статье «Ахматова и Пастернак. Основные проблемы изучения их литературных взаимоотношений» ученый указывает на Анненского как на значимую фигуру для обоих поэтов. Любопытно, что сам Пастернак свои «совпадения» с Анненским считает «случайными». Но все же эта случайность кажется predetermined и в некотором смысле закономерной, если рассматривать ее с позиции уже упомянутой концепции *третьего мира*. «Соотношение между Анненским и Пастернаком, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — можно было бы лучше всего представить как преемственность между отдаленной возможностью <...> и полной реализацией этой потенциально существовавшей <...> поэтической вселенной у Пастернака» (с. 405). И эта установка вполне соответствует духу книги: автору чужд «полет вольных импровизаций», связанный с бесконечным поиском трудно верифицируемых цитат. Цель его типологических разысканий другая: он выявляет осевые смыслы мировой культуры. Именно поэтому Вяч. Вс. Иванов рассматривает произведение как сложное органическое целое, обладающее своим хронотопом, но при этом аккумулирующее в себе архетипические смыслы из глубинных слоев человеческой памяти.

Таким образом, творчество Пастернака в книге оказывается семиотическим зеркалом, где отражается культура рубежа веков. Именно этим и диктуется методология анализа: Вяч. Вс. Иванов для прояснения «темных» мест пастернаковских произведений привлекает огромное количество иных текстов. Эти тексты могут быть отдалены во времени и пространстве, однако для семиосферы понятие исторического времени весьма условно: часто за разнообразием исторических событий обнаруживаются исходные архетипические формы, провиденциально зада-

ющие силовые линии развития человечества. И виртуозный анализ таких «схождений», предпринятый в книге, дает представление не только о месте Пастернака в этой вечной эстафете, но и позволяет судить о грандиозной философии культуры, создателем которой явился сам Вячеслав Всеволодович Иванов.

Книга о Пастернаке стала одной из последних крупных работ, опубликованных Вячеславом Всеволодовичем Ивановым. Отрадно отметить высокий, фактически, академический уровень ее издания. Сборник сопровождается солидным справочным аппаратом: именованным и предметным указателями, указателем заглавий цитированных стихов, географических названий, указателем лексем (на разных языках), ставших объектом авторского рассмотрения, и наконец, сведениями о первых публикациях мемуаров и статей, вошедших в книгу. Все это свидетельствует о чрезвычайно бережном отношении издательского центра «Азбуковник» к трудам Вяч. Вс. Иванова, вклад которого в российскую и мировую науку и культуру поистине неизмерим.

© Кихней Л.Г., Темиршина О.Р., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 декабря 2017

Дата принятия к печати: 28 декабря 2017 г.

Для цитирования:

Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. Подлинный Пастернак (в воспоминаниях и исследованиях Вяч. Вс. Иванова). Рецензия на книгу: Вячеслав Всеволодович Иванов. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. 696 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2018. Т. 23. № 1. С. 137–144. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-137-137-144

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. *Контактная информация:* e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Темиршина Олеся Равильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. *Контактная информация:* e-mail: lgkikhney@yandex.ru

AUTHENTIC PASTERNAK (IN MEMORIES AND RESEARCHES BY VYACH.VS. IVANOV)

(Review: Vyach.Vs. Ivanov. Pasternak. Memories. Researches.
Moscow. 2015)

L.G. Kikhney, O.R. Temirshina

Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov
Enthusiastov Highway, 21, Moscow, Russia, 111024

Article history:

Received: 2 December 2017

Revised: 22 December 2017

Accepted: 28 December 2017

For citation:

Kikhney L.G., Temirshina O.R. (2018). Authentic Pasternak (in memories and researches by Vyach.Vs. Ivanov). Review: Vyach.Vs. Ivanov. Pasternak. Memories. Researches. Moscow. 2015. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 23 (1), 137–144. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-1-137-144

Bio Note:

Kikhney Lyubov Gennadyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Journalism History and Literature of the Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov.
Contacts: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

Temirshina Olesya Ravilyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Journalism History and Literature of the Institute of International Law and Economy of A.S. Griboedov.
Contacts: e-mail: lgkikhney@yandex.ru

ф. СП-1	ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»											
АБОНЕМЕНТ на журнал		36435										
ВЕСТНИК РУДН		(индекс издания)										
Серия «Литературоведение. Журналистика»		Количество комплектов:										
на 2018 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
	(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА												
			на журнал		36435							
ПВ	место	литер			(индекс издания)							
ВЕСТНИК РУДН												
Серия «Литературоведение. Журналистика»												
Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.		Количество комплектов:								
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.										
на 2018 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
	(фамилия, инициалы)											